

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

СВОЕВРЕМЕННОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

— Не забывайте обо мне! Готовьтесь к встрече! Не ждите, когда ударю!

КРОКОДИЛ

№ 23 (1313) МОСКВА 20 АВГУСТА 1952

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ГОД ИЗДАНИЯ XXXI

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

НОВОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

Молодые строители высотного здания Московского университета написали книгу, в которой делятся опытом своей работы.

Рис В. КОНОВАЛОВА

— Редкое произведение! В нём так много придумано и в то же время ничего не выдумано!

В. БАХНОВ и Я. КОСТЮКОВСКИЙ

РУКОВОДЯЩИЙ ТОВАРИЩ

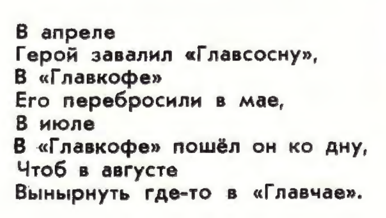

Товарищ Федотов
Себя уважает,
Поскольку
Ответственный пост занимает.

Имеет машину
Товарищ Федотов,
Одну секретаршу
У врат кабинета
И три телефона:
Один — для работы,
А два —
Для поднятия авторитета.
До почестей всяких
Федотов — охотник.
Федотову светит
Удачи звезда:
Он, где б ни работал,
Везде и всегда
Ответственный,
Руководящий работник.

Сперва подвизался
Федотов в «Главмясе»,
В «Главрыбе» служил,
Занимался «Главквасом».
Потом переброшен он был
На пластмассу
И вновь оказался
Ни рыбой, ни мясом.
И вот для Федотова
Ищут опять
Какой-нибудь главк
Или трест подходящий...

Его же нельзя
На низовку послать:
Ведь он же ответственный,
Руководящий.

И снова имеет машину
Федотов,
И вновь секретарша
У врат кабинета,
И три телефона:
Один — для работы,
А два —
Для поднятия авторитета.

В апреле
Герой завалил «Главсосну»,
В «Главкофе»
Его перебросили в мае,
В июле
В «Главкофе» пошёл он ко дну,
Чтоб в августе
Вынырнуть где-то в «Главчае».

Но тех,
Кто его назначал на работу,
Спросили
В инстанции вышестоящей:
— А кто по профессии
Этот Федотов?
— Он просто... ответственный,
Руководящий.
— Понятно! — сказали
В инстанции этой. —
Но только такой ведь
Профессии нету.
А что до Федотова,
Ясно вполне
Что с ним в «Главкрупе» даже
Каши не сваришь...

Как мы полагаем,
Федотов уж не
Ответственный,
Руководящий товарищ.

Иллюстрации Бориса ЛЕО

ПОСЛЕ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР

Рис. Ю. УЗБЯКОВА

Советские спортсмены — в блестящей форме.

СПАСИТЕЛЬНАЯ ПОДШИВКА

В редакции «Башкирский нефтяник» (г. Октябрьский) пропала подшивка бакинской газеты «Вышка». Это незначительное, на первый взгляд, происшествие необычайно всполошило редактора Степана Васильевича Шибалова. На поиски исчезнувшей подшивки были брошены все наличные литературные силы газеты. Редактор, бледный от горя, бродил по комнатам, приговаривая:

— Какое несчастье! Непоправимая утрата! Жестокий удар!

Переживания тов. Шибалова станут понятными, если учесть, что вместе с подшивкой исчез источник редакторского вдохновения. Раньше жизнь Степана Васильевича была предельно простой и лёгкой. Садясь за передовую, он раскрывал комплект «Вышки» и начинал списывать оттуда абзац за абзацем. Это неимоверно облегчало творческий процесс. Насколько «Вышка» упрощала редакторскую работу, можно судить по следующей, далеко не полной таблице:

ТАБЛИЦА ЗАИМСТВОВАНИЙ

«ВЫШКА»	«БАШКИРСКИЙ НЕФТЯНИК»
«На местные Советы депутатов трудящихся возложены большие и ответственные задачи. Они призваны направлять и контролировать деятельность подчинённых им органов управления, обеспечнть...» н т. д. **(Из передовой «Постоянные комиссии районных Советов депутатов трудящихся».)**	«На местные Советы депутатов трудящихся возлагаются большие задачн. Они призваны направлять и контролировать деятельность подчинённых им учреждений и предприятий, обеспечить...» и т. д. **(Из передовой «Улучшить работу постоянных комиссий».)**
«Коллективный договор является важнейшим хозяйственно-политическим документом. Охватывая все стороны работы советского предприятия, коллективные договоры служат программой деятельности хозяйственных и профсоюзных организаций. Они помогают шире привлекать массы трудящихся к управлению предприятием...» **(Из передовой «Добиваться выполиения каждого пункта коллективного договора».)**	«Коллективный договор является важнейшим хозяйственно-политическим документом, охватывающим все стороны работы советского предприятия. Коллективные договоры служат программой деятельности хозяйственных и профсоюзных организаций и помогают шире привлечь массы трудящихся к управлению предприятием». **(Из передовой «Выполнить каждый пункт коллективного договора».)**
«Бакинским нефтяникам, вместе со всей страной отмечающим праздник шахтёрской славы, особенно дороги и блнзки успехи угольщиков». **(Из передовой «Праздник советских шахтёров».)**	«Нефтяникам нашего города, вместе со всей страной отмечающим день шахтёрской славы, особенно дороги и близки успехи угольщиков». **(Из передовой «Праздник советских шахтёров».)**

Пропавшая подшивка так и не нашлась. Редактор был безутешен. И только недавно тов. Шибалов снова обрёл спокойствие. В редакции отыскался другой комплект той же «Вышки». И снова Степан Васильевич прильнул к роднику своего творческого вдохновения.

С. ПУШКОВ

ПЕРВЫЙ РЕЙС

(ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК)

НАЧАЛО ПУТИ

«БОРТ теплохода «Иосиф Сталин». 18 июля 1952 года. Полдень. Покинули порт. Идём первым прямым рейсом из Москвы через Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина...»

С этой фразы начали свои путевые заметки все пассажиры теплохода.

На борту не было ни одного человека, который не вёл бы путевого дневника.

Да это и понятно. Каждый участник этого знаменательного рейса чувствовал себя пионером (в смысле — первооткрывателем). Однако вскоре оказалось, что именно пионеры-то и не считают никого из нас первооткрывателями.

Выяснилось, что наши спутники — пионеры 502-й школы столицы, участники географической игры «Заочное путешествие по великим стройкам»,— уже совершали это увлекательное путешествие. Они уже покидали Химки, плыли по Московскому, по Рыбинскому морям, входили в Волго-Донской судоходный канал, проходили все его шлюзы, пересекали бурное Цимлянское море, шли по Дону и пришвартовывались у причала Ростовского порта.

Бывшим заочникам тут же, на палубе, был устроен экзамен с пристрастием.

— А это что там виднеется? — строго спрашивал один из писателей, почему-то держа при этом в руках блокнот и карандаш.

— Это шлюз — ворота к Рыбинскому водохранилищу, к Нижней Волге. А это плотина, и около неё гидростанция, оборудованная тремя мощными турбинами, — уверенно отвечала девочка и простодушно добавила: — И вообще, вы не стесняйтесь, товарищ писатель, если вы ещё что-нибудь захотите узнать, приходите к нам в каюту, наши девочки вам всё объяснят.

О ЗАВИСТИ

ЗАВИСТЬ — нехорошее чувство. Больше того: это пережиток, а с пережитками, как известно, надо бороться.

Мы не хотим скрывать от наших читателей: в пути мы не раз сталкивались с проявлением вышеупомянутого пережитка.

Ещё в начале пути, на гребне причальной стены, у входа в один из шлюзов, мы увидели молодого речника, который, задумчиво глядя на нас, сказал:

— На Волго-Дон, значит...— и вздохнул.

В Васильсурске женщина средних лет, передавая букет цветов капитану теплохода Андрею Афанасьевичу Пятлину, спросила:

— Вы что же, и через Цимлянское море поплывёте?

А когда наш теплоход покидал Ульяновск, мы услышали с переполненного народом дебаркадера звонкий девичий голос:

— Какие вы счастливые! Вы увидите Волго-Дон!

Да, это было действительно счастьем — увидеть первую из великих строек коммунизма — Волго-Донской канал и его строителей!

Впрочем, строителей мы встретили значительно раньше. Они были и среди провожавших теплоход в Москве — стахановцы столичных заводов. Мы их видели в Ярославле — передовиков шинного завода, и в Горьком — прославленных автомобилестроителей.

— И лес там наш и оборудование наше,— слышали мы в Чебоксарах.

— Особый привет бетонщикам! — наказывал нам в Вольске пожилой рабочий.— На нашем, на вольском, цементе работали...

— Выходит, что и вы строители Волго-Дона?

— А как же!..

Этому человеку, мы ясно видели, завидовали многие из пассажиров теплохода.

Это была уже недвусмысленная, откровенная, ничем не прикрытая зависть, пережиток. Тот самый пережиток, с которым нам, сатирикам, надлежит бороться.

Но странно, бороться почему-то не хотелось.

ТРУДНО СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ...

КОГДА наш теплоход входил в Клязьминское водохранилище, мы уверенно записали:

«Трудно себе представить что-либо более величественное, чем это море, созданное руками советских людей...»

Но уже в Московском море мы поняли, что если трудно себе представить что-либо более величественное, то это уж никак не Клязьминское водохранилище, а скорее Московское море.

А в Рыбинском море мы убедились, что, конечно, трудно себе представить что-либо более величественное, чем именно Рыбинское море.

Но ведь ещё впереди Цимлянское море...

— А ну, Света, что ты знаешь о Цимлянском море? — строго спросили мы у нашей спутницы.

Девочка задумалась и сказала:

— Трудно себе представить что-либо более величественное...

БУДЕТ, НЕ БУДЕТ...

НА КАЖДОЙ пристани, в каждом городе мы неизменно встречали старожилов. Они увлекательно рассказывали нам о прошлом своего города, охотно знакомили нас с его настоящим и сразу же загорались, когда речь заходила о его будущем.

— Ну, как нравится вам наш город? — с едва уловимым лукавством спросил нас старожил Ставрополя-на-Волге.

— Неплохой городок,— сказали мы.

— А вы знаете, что здесь скоро будет? — И, не дождавшись ответа, добавил: — Ничего здесь скоро не будет. Море будет. А новый город будет во-он там! И будет он в сто раз лучше, чем сейчас.

— Хорошо у вас в Камышине! — сказали мы.— Тишина!..

— Не будет.

— Чего не будет?

— Тишины не будет, — уверенно ответили старожилы.— Будет текстильный комбинат, самый большой в Европе, и многое, многое другое. А тот берег видите?

— Видим.

— Не будете вы его видеть. Здесь будет море...

«Здесь будет море...» Это мы слышали и под Казанью, и под Куйбышевом, и под Саратовом, и под Сталинградом.

— Здесь будет прекрасный, новый город,— говорили нам жители Комсомольска-на-Волге.

— Здесь будет широкий, светлый проспект, здесь будет высокий, многоквартирный дом, здесь будет новая гостиница, здесь будет Дом связи,— то и дело слышали мы в Сталинграде, в городе, который уже сейчас можно назвать одним из красивейших городов нашей Родины.

А о том, чего не будет, нам напомнила одна встреча. Это была встреча с суховеем.

Его не будет!

ПРАЗДНИК

И ВОТ наступила торжественная тишина. Медленно, очень медленно приближался теплоход к широкой алой ленте, преграждающей вход в первый шлюз Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина.

Министр речного флота товарищ Шашков разрезал ленту...

Такого ликующего, многоголосого «Ура!», такого грома рукоплесканий, такого восторженного гула десятков тысяч людей никогда не слышали ни Волга, ни Дон, как в отдельности, так и слитые воедино.

На высоких откосах, на парапетах, на балконах великолепных по своей архитектуре башен управления, на суше и в воде — всюду стояли люди.

Теплоход вошёл под величественную арку первого шлюза. К этому времени на борту появились строители. Их можно было узнать сразу. По-праздничному одетые, возбуждённые, они принимали поздравления и поздравляли сами. Они с волнением сдавали свою работу и с не меньшим волнением принимали работу других.

Когда теплоход шлюзовался в камере третьего шлюза, отдельные пассажиры держали себя подчёркнуто скромно. Они даже не аплодировали, и все вокруг легко догадались, что это строители третьего шлюза. Стоило поглядеть, как горячо аплодировали они строителям четвёртого, пятого, шестого шлюзов!

На берегах гремели оркестры, звучали песни. Это был незабываемый праздник.

Трудно себе представить... Впрочем, об этом, как и о многом другом, что трудно себе представить, мы уже писали.

Б. ЛАСКИН,
В. МАСС,
М. ЧЕРВИНСКИЙ

Рис. Л. СОЙФЕРТИСА

Борт теплохода «Иосиф Сталин».

МОРКОВКА В КАПУСТЕ

ЖИЛ-БЫЛ Зайчик. Весёлый и шаловливый... Любил он бегать по улицам и лакомиться сочной морковкой. Однажды на перекрёстке Зайчик нарушил правила уличного движения и чуть было не угодил под троллейбус. «Куда, баловник? — крикнул Милиционер.— Хвост потеряешь, косой!» Зайчик с перепугу выронил свёрток; из капустных листьев выпала морковка — сочная, свежая. «Откуда это у тебя? Украл?» — насторожился Милиционер. «Какой я вор! — вспыхнул Зайчик.— Спросите Медведя-огородника. Это он надоумил завёртывать чужую морковку в капустный лист». Милиционер усмехнулся: «Ишь, косолапый, какие услуги оказывает!»

Конечно, нужно бы Милиционеру отодрать этого Зайчика за уши, а он ограничился тем, что взял шустрого косого за лапку, перевёл через улицу, вежливо откозырял.

Впрочем, это присказка. Сказка впереди.

...Жил-был сценарист. И жила-была студия «Союзмультфильм». Однажды студия сказала сценаристу: «Напишите сказочку! Да такую, чтобы и взрослым и детям понятно было, как соблюдать правила уличного движения». Сценарист подписал договор. А студия выдала положенный аванс.

Проходит месяц, несёт автор готовый сценарий. Вот, мол, возникает крупным планом витрина магазина «Детский мир». А на той витрине игрушки: Зайчик просто и Зайчик белый, Мишка, Слон, Мартышка, Поросёнок, Куклы и другие персонажи будущего фильма. И, как положено в сказочке, ровно в двенадцать часов ночи игрушки оживают, выбегают на улицу, где есть светофоры и автомобили, и усердно принимаются нарушать правила движения. А строгий Милиционер, спасая хвосты несмышлёнышей, учит их переходить улицы.

Этот сценарий назывался «Три цвета», и автором его был А. Тарасов.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Сценарий читали долго-долго. Потом говорили автору разные слова про специфику кино, про типичное и нетипичное и про конфликты. Посоветовали на всякий случай почаще читать классиков и глубже вникать в жизнь...

Сценарист принёс второй, а потом и третий вариант...

Проходит лето, вянет лист, вот уже бело кругом... Получил автор письмо. Не простое — заказное. А в том письме было сказано, что все три варианта сценария студию не устраивают. Утешил себя автор тем, что на всю жизнь запомнил правила уличного движения. С тем и отбыл восвояси.

И тут начинается вторая часть нашей невыдуманной сказочки. Развели художники краски, зарядили операторы камеры, кликнули клич режиссёры... И полугода не прошло, как был готов фильм. И вот на экране крупным планом возникает витрина магазина «Всё детям», и на той витрине игрушки: Зай и Чик, Мишка, Слон, Мартышка, Поросёнок, Куклы и другие знакомые нам персонажи. И, как положено в сказочке... Впрочем, мы уже это читали выше. На сей раз мультисказочка называлась «Зай и Чик», и автором сценария по велению волшебной палочки значился В. Сутеев.

— Мой сценарий! — возопил настоящий автор.

— Не ваш! — возразила студия.— Название другое? Вывеску на магазине переменили?

Сценарист не сдавался: «Мой!» — и отправился в путь-дорогу. Был в Управлении по охране авторских прав, в Союзе писателей, в суде. Всюду говорили: «Ваш сценарий!» Но студия не сдавалась: «Мы еще посмотрим, чей он!» Начальник сценарного отдела Б. Воронов собрал свою рать: сомкнули строй старшие, средние и младшие редакторы, вышли в авангард юрисконсульты. Обрушилась студия смертоносными аргументами на автора и на ставших на его защиту:

— В отклонённом варианте сценария написано: «Это очень интересно!— пропищала Нарядная кукла». А в принятом варианте: «Это безумно интересно! — томно говорит Нарядная кукла». В отклонённом — реплика: «Подумаешь, тоже игра — в прыгалки!» А в принятом сценарии это сказано с большим драматическим пафосом: «Подумаешь, я ещё лучше могу!»

И всё-таки не помогли капустные листья! Выпала морковка. Суд, изучив мультиисторию, водворил фамилию настоящего автора на место и решил взыскать с киностудии весь причитающийся ему гонорар.

Таким образом, к концу нашей сказочки мы узнаём, что государство дважды уплатило полным рублём за один и тот же сценарий: получил сполна А. Тарасов за свою работу, не вернул денег и В. Сутеев, отделавшись лёгким испугом.

А зря! Конец этой мульти-истории должен быть таким.

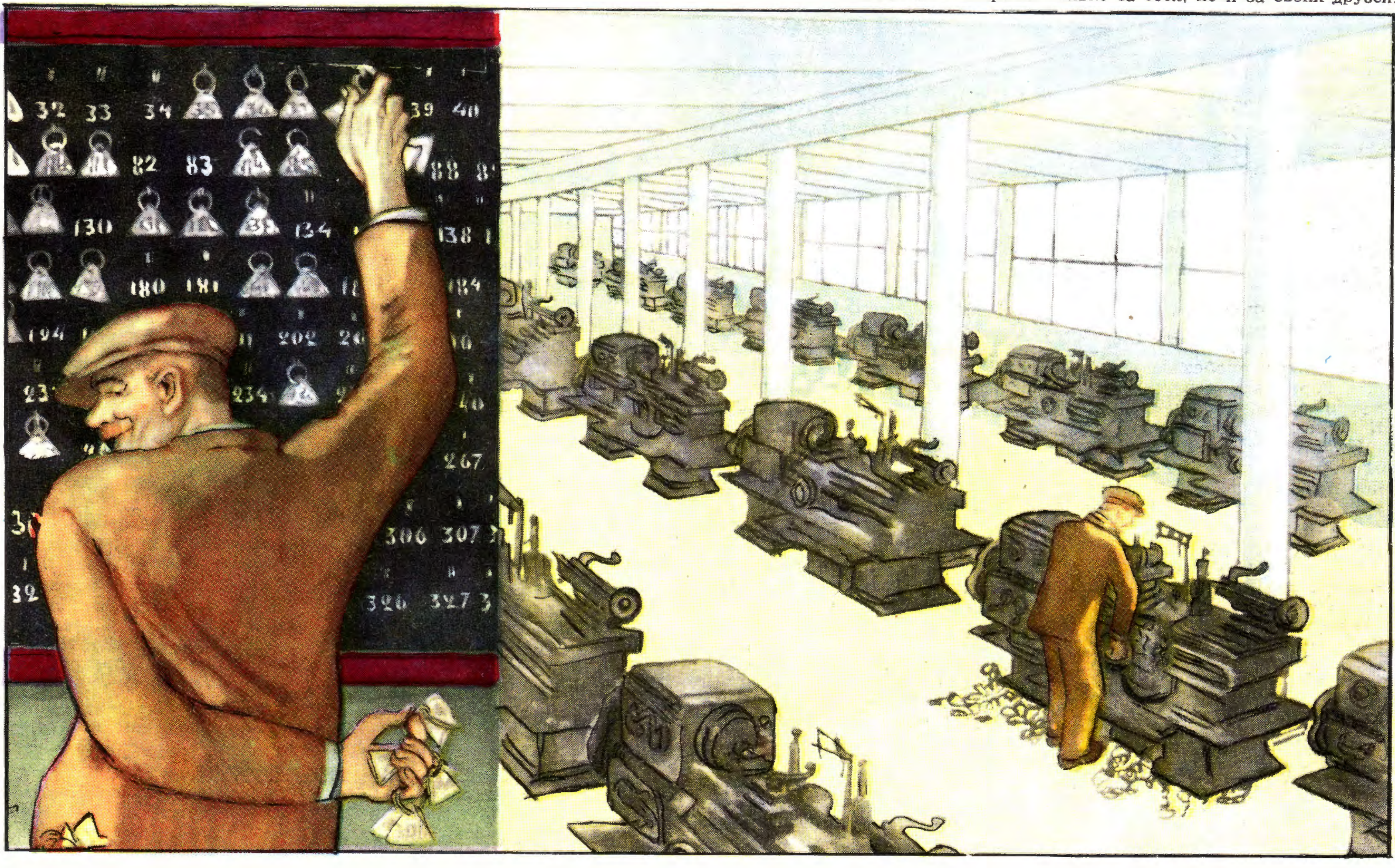
...Жил-был Зайчик. И жил-был Судья. Обнаружив в капустных листьях чужую морковку, Судья сказал: «Ишь, косолапый, какие услуги оказывает!» И, сказав это, заставил Зайца вернуть чужие деньги. Заодно и Медведя-огородника призвал к порядку, чтобы впредь не оказывал услуг дошлым косым.

В назидание и Зайчикам и Медведям.

С. ГАРИН

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

На Челябинском металлургическом заводе плохо поставлен табельный учёт. Нередки случаи, когда рабочие снимают номера не только за себя, но и за своих друзей.

Номера, которые сходят с рук.

Н. ШТАНЬКО

Работяга

БЫЛА ночь. Более того, был первый час чудесной майской ночи. В лунном свете нежно таяли сахарные ветви цветущей акации. В скверах и парках, выбирая почему-то теневые стороны, сидели парочки и, судя по всему, вряд ли обсуждали производственные вопросы.

Филипп Николаевич, председатель исполкома горсовета, и его старый, времён гражданской войны друг Никита Иванович, директор музея, не спешили домой. Они шагали по голубому асфальту, вдыхали ароматы такие, что бледнела от зависти вывеска над магазином Тэжэ, и говорили о рыбалке, о шахматах, о любви...

— А я люблю её с уксусом и без всяких приправ. Только варить её надо там же, на месте преступления,— проникновенно доказывал Филипп Николаевич и вдруг замолк на полуслове.

— Смотри,— прошептал он,— всё ещё работает.

Никита Иванович поднял голову. На той стороне улицы высилось здание горсовета. Все окна его холодно сверкали спокойной голубизной, кроме одного — ядовито-зелёного. Так и угадывалась за этим окном укоризненно согбенная спина и преждевременная лысина, осенённая нимбом настольной лампы.

— Мы вот гуляем, время транжирим, а Филькин трудится,— вздохнул Филипп Николаевич. — Ночи напролёт просиживает...

— А может, он книгу читает,— робко вставил директор музея,— или заснул.

— Не меряй на свой аршин. Если бы все у нас так работали! Самоотверженный он какой-то...

Друзья замолчали и ускорили шаг. Прелесть прогулки исчезла. И уже не цветущие ветви, а просто зелёные насаждения вставали на их пути.

...Прочная слава самоотверженного работника и очень занятого человека установилась за Антоном Савельичем Филькиным, заведующим городским культпросветотделом. Стоило только увидеть его, чтобы сразу же убедиться, насколько он заслужил эту славу.

Филькин всегда спешил. Ходил он словно по наклонной плоскости, бесконечно ускоряя шаг, и поминутно смотрел на запястье левой руки. И когда Антон Савельич засыпал на каком-нибудь ответственном совещании, соседи сочувственно шептали: «Умаялся, работяга» — и сострадательно улыбались.

Рабочий день Филькина был понятием условным. Состоял он главным образом из вечера и поздней ночи. И каждая минута этого неопределённого отрезка времени была наполнена до краёв кипучей деятельностью, отчаянным напряжением всех его способностей.

Вечером Филькин вбегал в кабинет и захлопывал за собой дверь с таким видом, как будто за ним гнались по пятам. Отдышавшись, он привычным жестом швырял на диван портфель и кидался к дребезжащему телефону.

— Горкультпросветотделслушает! — выпаливал он единым духом и потом, болезненно морщась, скандировал: — Вы же знаете. Я не могу. Мне некогда.

Измятое лицо Антона Савельича со свежим оттиском пуговицы от наволочки на левой щеке принимало озабоченное и несчастное выражение. Он медленно обходил вокруг стола и обречённо опускался в жёсткое полукресло с протёртым до дыр сиденьем.

Так начинался каждый рабочий день страдальца. И дни эти походили друг на друга, как два окна одного и того же дома. Антон Савельич порылся в одной кипе бумаг, поворошил другую. Быстро отодвинул ящик стола, скользнул по нему взором и так же быстро задвинул обратно. То же самое проделал со вторым, с третьим... За этим занятием застала его секретарша Татьяна Павловна.

— Там вас люди с утра ждут,— доложила она.

— Пусть подождут. Не разорваться мне! Куда вы задевали...

— Да ведь многие третий день сидят!

— И откуда только время у людей берётся?.. Это что, столько почты привалило?

— Да. Будете смотреть?

— Некогда. Складывайте в этот ящик. Боже мой! И находят же люди время письма писать! Тут читать, и то некогда. Куда вы задевали... это... как его?.. Горкультпросветотделслушает! Совещание библиотечных работников? Не могу. Занят. У меня смотр. Ничего не поделаешь. Перенесите на послезавтра. Художественная самодеятельность — это вам не фунт... Всего хорошего! Куда же вы их задевали?

— Да кого «их»?

— Я, кажется, ясно сказал: материалы к справке для горисполкома о состоянии клубной работы за минувший квартал текущего года.

— Да вот они, на столе у вас лежат. Уже неделя, как вы их держите.

— То-то и есть, что неделя, а срок был дан три дня! Конечно, не вам за это голову отрывать будут... Гор-свет-дел-шает! Что? Смотр? Не могу. Занят. У меня совещание библиотекарей. Перенесите на послезавтра. Библиотечное дело — это вам не фунт... Ну и что ж, что сроки? Мне не разорваться. Я не железный. Пока... Так... Что ещё у вас ко мне?

— Всё пока. Может быть, только это письмо посмотрите?

— После, после! Дайте мне справкой заняться. А что за письмо? Из редакции? Что ж вы его в общий ящик суёте? Понимать надо. Гм... вырезка какая-то... «Порочный стиль работы»... Батюшки! Когда ж это они нас так успели?!.

— Давно. Я ещё в воскресенье читала.

— И успевают же люди газеты читать! Садитесь и срочно пишите ответ: статью обсудили, факты подтвердились, меры приняты. Впрочем, вы напутаете. Я сам.

Секретарша вышла. Филькин отодвигает папку с материалами к срочной справке, берёт чистый лист бумаги, выводит на нём название газеты и тяжело задумывается. Муки творчества прерывает телефонный звонок.

— Изобрели тебя на мою голову! — ворчит Филькин, яростно сжимая трубку.— Гор-сет-дел-шает! Ах, Филипп Николаевич! Здравствуйте, Филипп Николаевич! Справку? Какую справку? Ах, справку! Вчера до трёх сидел. Заканчиваю, Филипп Николаевич. Во вторник сдам. Как четверг? Неужели сегодня четверг? До чего ж время летит... Тогда вечером пришлю. Отрывают. То смотр, то совещание. Вот и я говорю: важные мероприятия. Нет, нет. Не беспокойтесь. Не подведу. Сделаю. Всего наилучшего!

Филькин решительно отодвигает начатое письмо, некоторое время лихорадочно роется в папке с материалами, затем энергично набрасывает на чистом листе бумаги: «Справка о состоянии...» Но извечный враг его — телефон — высовывает из бумажного хаоса тупое рыльце трубки и вдруг рассыпается злорадной трелью.

— Гор-дел-шет! Из редакции? Очень приятно! Здорово это вы нас, того... Хе-хе! Очень стилистично. Обсуждаем. Подтверждаем. Принимаем. Сегодня получите ответ. А как же? На то и критика...

...Страда в полном разгаре. Стоит Филькину приняться за справку, как становится совершенно очевидным, что письмо в редакцию никак нельзя откладывать. С другой стороны, едва только он заносит перо над злополучным письмом, как перед ним возникает образ разгневанного председателя горсовета. И чем дольше перекладывает с места на место эти две бумажки Филькин, тем ярче в его глазах разгорается беспокойный огонёк, тем судорожнее становятся движения рук, рыщущих по столу в поисках то того, то другого.

...Чуть-чуть серел рассвет очередного воскресного дня. Город безмятежно спал. Филипп Николаевич со своим другом ехал по пустынным улицам, и удочки, словно корабельные снасти, топорщились над парусиновой крышей «Москвича».

— Мы, наверное, самые ранние сегодня, — с удовольствием отметил председатель горсовета и вдруг осёкся. Прямо на них надвигалось знакомое здание с тёмными окнами. И только одно окно, как всегда, источало на тротуар ядовитую парижскую зелень...

— Ну что ты с ним будешь делать? — горестно всплеснул руками председатель.— Ведь как трудится человек! А мы во вторник на исполкоме бить его собираемся. Не везёт бедняге! Старается, из кожи лезет, ну прямо кровь из носу. А вот не тянет... Совещание провалил, смотр сорвал, кадры растерял, справку пустяковую вторую неделю составить не может. Чёрт его знает, почему! Просто загадочный человек какой-то...

— Давай зайдём к нему,— предложил Никита Иванович.— Побеседуешь. На рыбалку захватим. Пусть свежего воздуху глотнёт...

Друзья поднялись на второй этаж, вошли в приёмную Филькина. И попали в сонное царство. Прижавшись небритой щекой к успевшей пожелтеть злополучной бумажке, на которой значилось «Справка о состоянии...», Филькин во сне блаженно улыбался. Зелёный нимб настольной лампы колыхался над скорбно поникшей лысиной. Свежий предрассветный ветерок врывался в раскрытое окно, шевелил листы папиросной бумаги, использованные фиолетовыми строками, штампами и резолюциями.

Для того, чтобы разбудить Филькина, Филипп Николаевич и директор музея решили выйти в приёмную и позвонить оттуда по телефону. Только тогда Антон Савельич вскочил, взметая бумажные вихри, и привычно прирос к телефонной трубке.

— С добрым утром! — приветствовал Филькина председатель горсовета, голос которого был слышен и без телефона.— Здравствуй!

— Работы по горло! Никак не могу! — осовело мигая глазами, прокричал в трубку Филькин.

— Чего не можешь? Здравствуй, говорю. Как живёшь?

— Некогда жить. Текучка заела... Ах, это вы, Филипп Николаевич! Понимаете, всю ночь сижу, справку готовлю. Но вы не беспокойтесь. Кровь из носу, а справка будет...

И, повесив телефонную трубку, Филькин с усердием стал перекладывать бумажки.

г. Грозный.

Румынский юмор

Мирча ЭНЕСКУ

СВЕТ НА СЕЛЕ

(БЫЛЬ)

СЕЛО Змеурень тянется вдоль долины, одним краем вползает на гору, другим уходит вниз, к бурливой реке. Когда селяне увидели автомобиль Комитета по делам кинематографии, они были поражены: машина здесь не была повседневным явлением.

Тем же вечером крестьяне, заполнившие Дом культуры, смотрели советский фильм о колхозниках, удивлялись и говорили: «Вот счастливые!» Здесь было почти всё село. Только Тоадер Лунгу не пришёл. «Живу очень далеко,— объяснил он.— Пока поднимусь до вашего Дома культуры, ночь настанет!»

...С некоторых пор в селе всё чаще появлялись машины. Село наполнилось незнакомыми людьми, которые таскали с собой различные аппараты. Утром уходили, к вечеру возвращались. И селяне уже знали, почему кругом всё кипит. Вот только Тоадера Лунгу, казалось, ничто не задевало.

Как-то вечером старик услышал стук в ворота.

— Добрый вечер, дедушка Тоадер!

— Да будет хорошо у тебя на душе! Ага, староста... Пожалуйте в дом. Прошу и вас, товарищ.

Никогда Тоадер Лунгу не скажет иначе председателю народного совета. «Староста» — и всё тут.

— Вот что, дедушка Тоадер,— сказал председатель.— Вы тоже, наверное, знаете, что у нас сейчас происходит...

— Знаю... То есть вижу, что по улицам целыми днями ходят трудовые люди. Но что они делают?

— Они хотят провести электричество в село. Это товарищ Некулай Ангелуца, прораб... Можете приютить его в одной из ваших комнат?

— Как же не принять его, грехи мои тяжкие! По вечерам он разделит моё одиночество на старости моих лет... Буду звать вас товарищем Некулаем или братом Некулаем, как мне будет удобно.

— Хорошо. А я буду звать вас дедушкой Тоадером. Ведь, по вашим словам, вы старый человек?

— Конечно, старый. Сбрей мне усы, если я хоть что-нибудь смогу прочитать вечером!

— Проведём мы вам электричество в дом, дедушка Тоадер, тогда вы и по вечерам будете читать.

— Ну! Хе! Мои внуки, может быть, и доживут до этого, а я...

— А ваши внуки с нами работают!

— Хорошие парни! — гордо откликнулся Тоадер Лунгу.

Старик стал чаще заглядывать к соседям. Ему объяснили, что вдоль дороги устанавливают какие-то столбы, которые должны принести в село какой-то ток. Ему рассказали, что гору взорвут так, чтобы образовался водоём. Вода будет падать сверху и вращать нечто вроде колеса, которое будет давать свет в какие-то стаканчики. А внуки Тоадера Лунгу Ионица и Санду уговаривали его:

— Ну, дедушка, пойдём с нами на работу. Скорее кончим.

— Со мной? Прочь, шалуны, я уже ни к чему не годен. Я стою не больше мороженой луковицы!

...В один прекрасный день был установлен столб и перед домом Тоадера Лунгу. Затем к столбу подвели провода, как и к другим.

— Добро! — усмехнулся старик.— Я сплету пояс из проволоки, когда мой ремень порвётся!

Вскоре рабочие принесли какие-то маленькие круглые стаканчики.

— Правильно, братцы, а то у меня последняя банка разбилась. Сбрей мне усы, если я не буду ставить себе банки, чтобы вылечиться от простуды...

Однако тут же он недоверчиво осмотрел лампочки и удивлённо молвил: «Да-а... Что за чертовщина!»

На другой день рано утром Некулай Ангелуца разбудил деда:

— Доброе утро, дедушка Тоадер. Который час?

— Кхе... По моим петухам сейчас, наверное, около шести часов утра.

— Ага, хорошо. Значит, недолго ждать.

— Что значит «недолго ждать»?

— Немножко терпения. Вчерашнюю газету вы читали?

— Некогда было. А по вечерам я плохо вижу. Керосиновая лампа коптит, и я задыхаюсь.

— В газете пишут кое-что о вашей лампе... Вот здесь, почитайте.

— Что-то не верится! Ну-ка, где мои очки...

Тоадер Лунгу с трудом читает:

— «В плане работ по электрификации страны особое место занимает электрификация наших сёл»... Красивые слова!

— Эти слова, дедушка Тоадер, уже становятся делами.

— Знаешь что, брат Некулай,— говорит Тоадер Лунгу живее обычного,— с сегодняшнего дня и я пойду на работу, чтобы ускорить...

— Браво, товарищ Лунгу! Теперь вы уже не чувствуете себя дряхлым стариком?

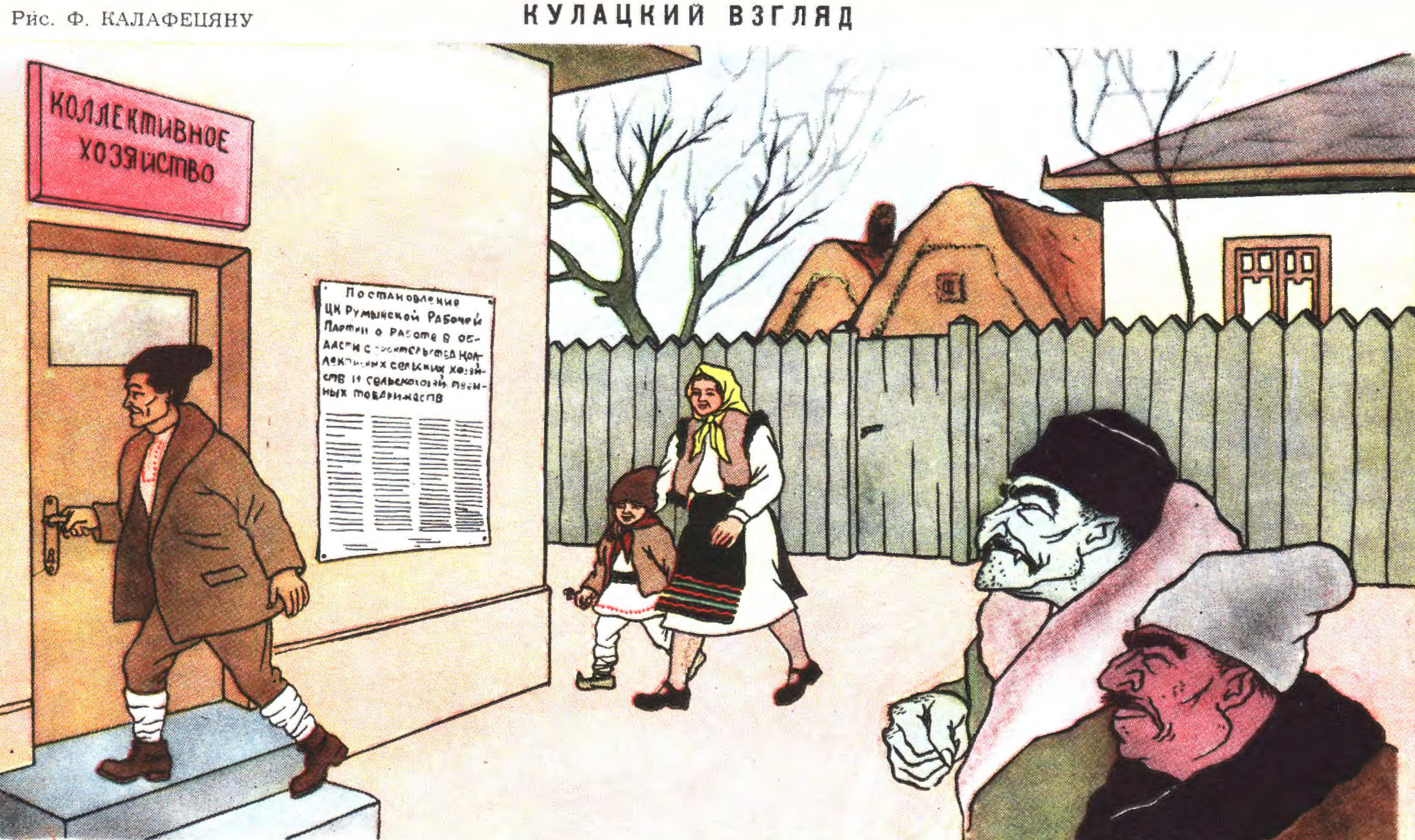
...Жители села Змеурень не помнят такого веселья, как в то утро. Внуки Тоадера Лунгу подтрунивали над дедом, увидев, как он украдкой вытирает мокрые глаза. Но старик и тут не сдавался:

— Гей, шалуны, не смотрите так на меня! Это свет слишком яркий... Сбрей мне усы, если это не так!

Перевод с румынского

Рис. Ф. КАЛАФЕЦЯНУ

КУЛАЦКИЙ ВЗГЛЯД

— Не доставляет мне удовольствия смотреть на крестьян, входящих сюда! Входят по одному, а на работу выходят коллективно!

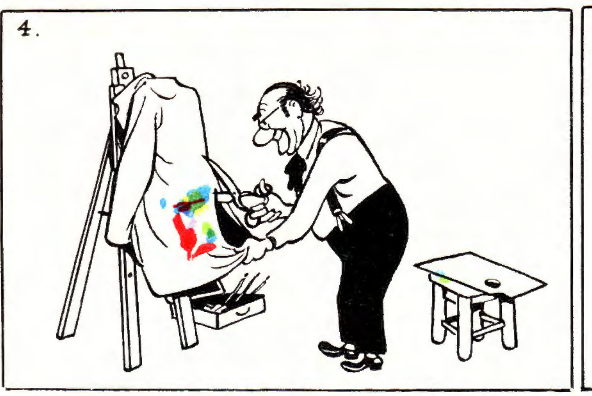
ДЯДЯ САМ РИСУЕТ САМ

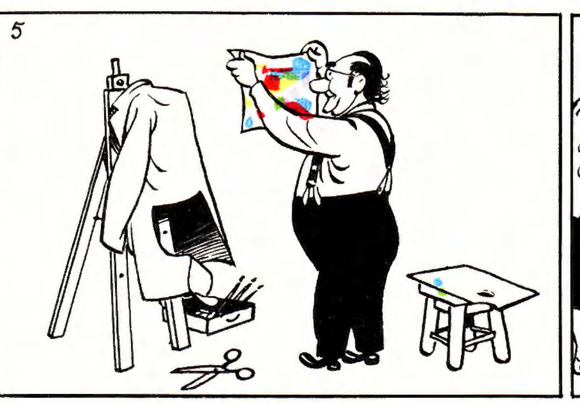
Рис. Ю. ГАНФА

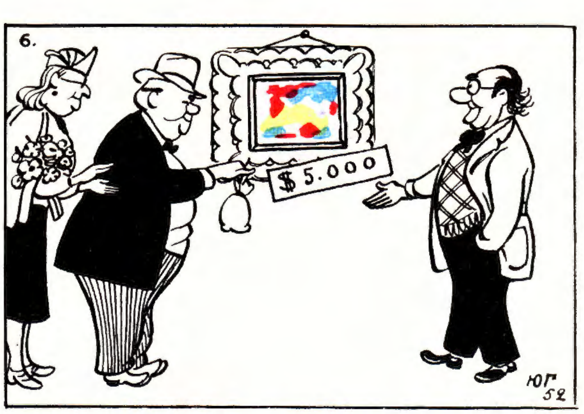

Творческий успех мистера Формалистера, или не было бы счастья, да несчастье помогло.

ПРАВДА ДЖОНСОНА

ИСТИНА отличается от буржуазных парламентариев и министров тем, что её нельзя продать и купить. Конечно, можно временно прикрыть дырявым покрывалом лжи или замолчать правду. Но она всё равно восторжествует.

И всё же в наши дни травля носителей истины стала буквально основной профессией поочерёдно правящих Англией лейбористов и консерваторов. В своём прошлогоднем интервью корреспонденту «Огонька» доктор Хьюлетт Джонсон сказал:

— В Англии многие были потрясены тем, что госпожа Моника Фелтон за свой объективный рассказ о Корее была лишена работы.

И заметил с усмешкой:

— Я не удивлюсь, если и меня скоро освободят от работы в Кентерберийском соборе за то, что я рассказываю правду о Советском Союзе.

Менее года прошло с тех пор. Доктор Джонсон принёс Англии правду о великом народном Китае. Китай, изгнавший английских, японских, американских и прочих акул, могуч и прекрасен. Это нравится Джонсону. Но это не нравится господам с Уолл-стрита. Они вознамерились свалить здоровую и сильную страну чумой и тифом. Они сбросили на Северо-Восточный Китай бактериологические бомбы. Доктор Джонсон убедился в этом лично, собрал неопровержимые доказательства и по приезде в Англию поведал обо всём народу на массовых митингах, в газетах, наконец, в книге «Я призываю».

— Мы можем остановить бактериологическую войну, — говорит Джонсон. — Сперва потребуются твёрдость и мужество. Нам приходится иметь дело со многими в общем благонамеренными людьми, которые закрыли свои глаза и заткнули уши, потому что они не в силах взглянуть в лицо истине.

Но если в смятении закрыли глаза «в общем благонамеренные люди», то широко раскрыли рты злонамеренные лорды.

— А нельзя ли предпринять какие-либо судебные действия против Джонсона? — для начала запросил палату лордов лорд-лейборист Эммон, открывая дебаты.

И прорвало!

— Пусть генеральный прокурор распространит на Джонсона уголовное право! — поддержал Эммона лорд-канцлер Саймондс.

— Сместить Джонсона! Положить конец его деятельности! — злобно крикнул лорд Тевиот.

— Настоятель — агент коммунистов! Он государственный изменник! Где закон? — взъярился лорд Уинтертон.

Издаётся в Лондоне широко распространённая газета «Санди пикториэл». Давно и неизменно поддерживает она любой курс правительства, независимо от того, кто у власти. Газета, видимо, поэтому и называется «независимой». Недавно «Санди пикториэл» писала:

«Английский кабинет 1952 года — это клуб стариков... Внутри его раздирают ссоры, сомнения и разочарование».

Нет, в данном случае старые лорды проявили исключительное единодушие. Они сбросили, как говорят в Англии, бархатные перчатки с железных кулаков и грозили Джонсону. Однако разочарование пришло и в данном случае. На трибуну вышел архиепископ Кентерберийский Фишер, вздохнул и молвил:

— Церковь не имеет власти предпринять против Джонсона какие-либо действия, братья мои. Он неповинен в ереси в юридическом смысле...

И всё же благочестиво пообещал:

— Однако церковь обладает определённым механизмом, чтобы принять соответствующие меры...

Так сказать, не удержался.

«Настоятель, как священник, не совершил никакого преступления, в связи с которым он подлежал бы какому-либо наказанию по закону», — в свою очередь, процедила сквозь зубы видавшая виды «Таймс».

Внесённое в парламент предложение создать трибунал для расследования деятельности Джонсона было отклонено.

В чём дело? Откуда такая покладистость?

А в том, что народ английский поверил старому священнику, смелому борцу за мир.

Правда Джонсона живёт в Англии. Это значит — умирает ложь лордов.

В. КРУГЛОВ

ОЩИПАННЫЕ ОРЛЫ

БЫВШИЙ румынский генерал Радеску наконец приехал, и все сели за стол, на котором стояла лампа, напоминающая погребальную урну. Её слабый свет освещал желтоватое лицо бывшего агента румынской сигуранцы Камила Ринга. Рядом пристроился небезызвестный в кругах американской разведки Ефтимие Герман, экс-председатель профсоюза шахтёров.

Итак, бежавшие в гостеприимную Америку бывшие румыны собрались. Радеску объявил о цели сборища: «Голос Америки» просит передать на Румынию по радио что-нибудь остренькое.

— Есть ли идеи? — мрачно спросил экс-генерал.

Напряжённую тишину нарушал только шум нью-йоркской улицы.

— Шеф недоволен нами, — угрюмо продолжал Радеску. — Он считает, что мы обходимся дорого, а пользы он не видит. Нужны идеи. Как насчёт идей, орлы? — крикнул Радеску и побагровел.

— Читаете ли вы газеты, генерал? — вкрадчиво спросил Герман. — Бухарестские газеты, например. Не так давно «Скынтейя» писала о шахтёре с громким именем Людовик Поп. Это знаменитый новатор, который даёт по нескольку норм в смену. О нём говорит вся Румыния. Почему бы и нам не присоединить к этому свой... то есть я имею в виду «Голос Америки»?

— Гм!.. — удивился экс-генерал. — Ну, а что мы скажем?

— Скажем, что Людовик Поп тяжело болен. Например, чахоткой. Что он при смерти. Надорвался, потому что его заставляли работать сверх сил... Лежит в Петрошанской больнице.

— Пожалуй, неплохо, Герман. Нет, честное слово, здорово придумано! — оживился экс-генерал.

— Это трогательно, коллега, — сказал агент охранки.

Так «Голос Америки» пустил в эфир очередную ложь о том, что один из лучших стахановцев новой, народной Румынии «умирает» в Петрошанской больнице, истощённый непосильным трудом.

Через несколько дней приободрившиеся «орлы» экс-генерала Радеску собрались вновь, и господин Герман смело включил радио. Нащупывая станции, он задержался на радиопередаче югославского города Скопле. При первых же словах компания оживилась ещё больше.

«Герой Болгарии горняк Тодор Стоичков... умирает в больнице... от истощения... непосильная работа...» — бубнило титовское радио.

— Вот что значит хорошее начало! — вскричал Герман. — В Белграде уже переняли наш опыт!

— Поздравляю, коллега, — жал руку Германа Камил Ринг.

— Герман, друг мой, — разнежился экс-генерал, — поищи ещё что-нибудь...

«Передаём статью директора шахты Шотынга Людовика Попа, озаглавленную: «Голос Америки» озабочен».

— Это Бухарест! — насторожился агент охранки.

— Наверное, Поп вышел из больницы, — неопределённо заметил Герман.

«С чего же это господа из «Голоса Америки» вдруг забеспокоились о моём здоровье? — раздался из репродуктора свежий, насмешливый голос. — Они злобствуют, видя, что в нашей свободной стране растёт, развивается стахановское движение. Эти беглые политиканы и генералы...»

— Выключить! — гаркнул экс-генерал.

— Минутку, минутку, ваше превосходительство! — ехидно запротестовал Герман.

«Было время, — продолжал голос из репродуктора, — когда я не понимал, почему это правый социал-демократ Ефтимие Герман, поставленный буржуями к руководству профсоюзами шахтёров...»

— Теперь всё ясно, — заторопился Герман. — Можно выключать.

— Нет, пусть, пусть говорит! — стукнул кулаком по столу Радеску.

«Бандит Герман и прочие холуи шахтовладельца Бужойя в ту пору организовали саботаж, старались сорвать снабжение шахтёров. Ныне этот подлый прихвостень бежал в Америку...»

— Всё это очень плоско. Послушаем что-нибудь другое, — взмолился Герман.

Экс-генерал и агент охранки не возражали. Герман перевёл регулятор, и все услышали:

«Говорит София, говорит София. Передаём записанную на плёнку речь Тодора Стоичкова на совещании стахановцев».

«Мы знаем, — слышался голос Стоичкова, — что наши успехи приводят в ярость врагов нашей родины. Они не брезгают ни подлостью, ни ложью. Титовское радио из Скопле объявило, что я, Тодор Стоичков, видите ли, свалился от непосильной работы и голода, лежу в больнице. Вот она, подлая ложь империалистов! Вот я стою перед вами — посмотрите на меня, — разве я похож на истощённого человека? (Смех, аплодисменты.) Схватил бы я своими истощёнными руками этих вралей, прижал бы разок и отпустил — пусть почувствуют, какое у меня истощение!..»

В эфире что-то хрустнуло. Наёмные врали отшатнулись и съёжились.

— Может быть, хватит? — спросил пришибленный Герман.

— Вполне! — отозвался Радеску.

Было тихо, и Камил Ринг робко подал голос:

— Кажется, уже передают музыку?

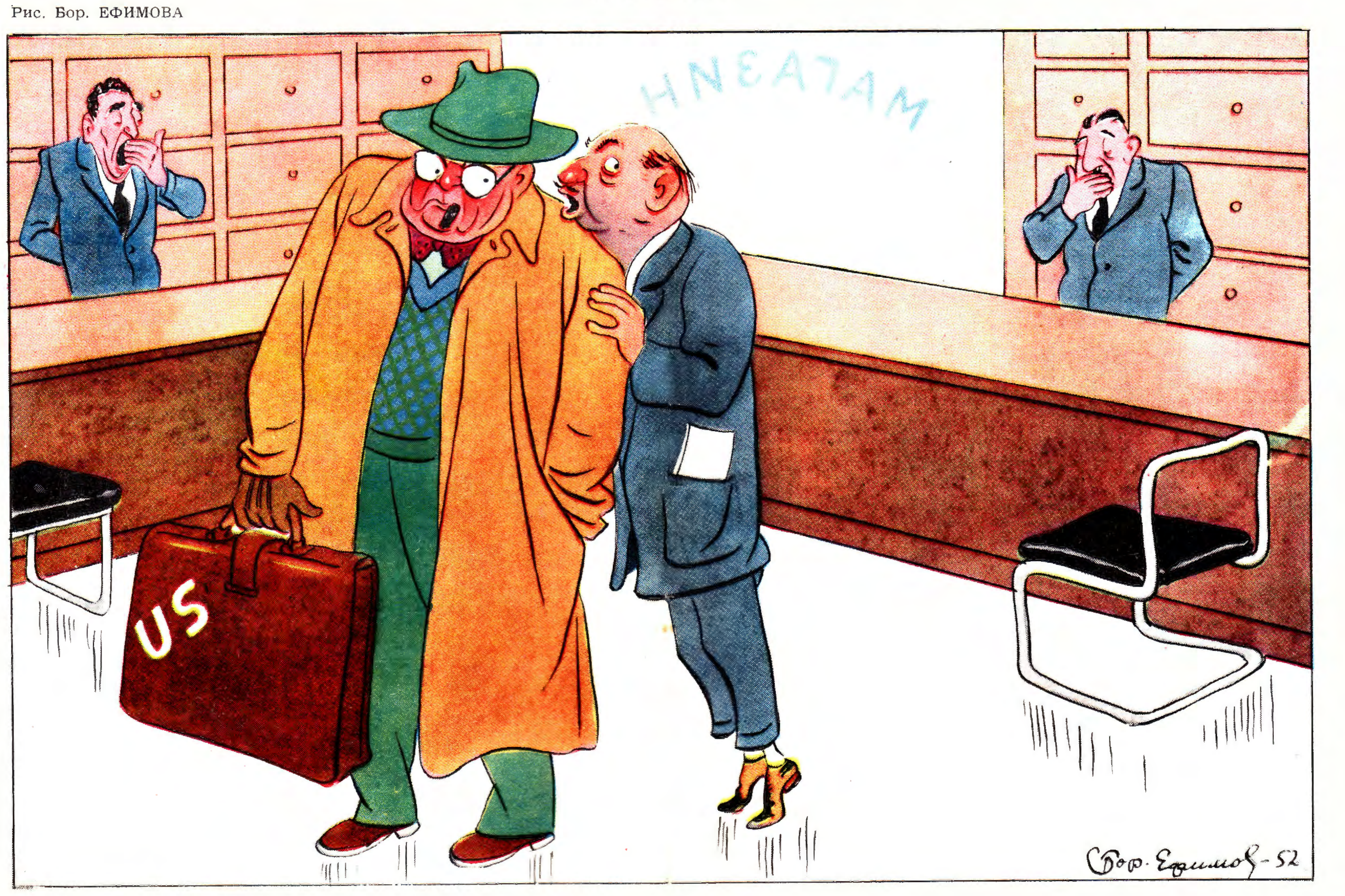
— Никакой музыки! — отрезал Радеску. — Надо заниматься делом. Есть ли идеи?.. Есть ли идеи, орлы?!

«Орлы» молчали.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

В ИТАЛИИ

Рис. Бор. ЕФИМОВА

— Что у вас больше всего требуют покупатели!
— Торговли с Россией.

из литературной почты Крокодила

ДЕНЬ ЖОРИКА

ДЕНЬ начался с того, что Жорика заставили съесть за завтраком три котлеты, яичницу и выпить два стакана какао.

Этого удалось добиться следующими средствами:

1. Рядом лежал для острастки ремень.
2. Мама пела саратовские частушки, плясала тарантеллу, показывала фокусы — вообще использовала для возбуждения жорикова аппетита все свои заброшенные таланты.
3. Был обещан билет в цирк.
4. Позвонили на работу папаше, чтобы он передал сыну по телефону своё отеческое внушение.

После завтрака приступили к одеванию. На улице термометр показывал в тени 25 градусов выше ноля, но во избежание простуды на Жорика надели:

1. Двое вязаных штанов.
2. Одну куртку на ватине.
3. Шерстяную фуфайку, на случай, если подует ветер.

На бульваре с Жориком гуляла бабушка. Чтобы он не упал, не ушибся, не подрался с другими ребятами, не разорвал штанов, не испачкал почти новую куртку,— словом, во избежание многочисленных бедствий ему было приказано идти чинно рядом и так же чинно сидеть на скамейке. Разрешалось смотреть на бегающих, прыгающих, играющих детей.

Обед и ужин прошли сравнительно благополучно. В Жорика удалось вместить две тарелки щей, три тарелки второго, несколько совсем маленьких сладких пирожков, полтора пирожных.

Игрушки Жорику давным-давно надоели, и он захотел что-нибудь смастерить сам. Из нескольких пустых спичечных коробок он решил сделать высотный дом. Но, увидев у сына в руках ножницы, мама ужаснулась, немедленно их отобрала, а заодно и коробки: а вдруг вспыхнут...

Остаток вечера он просидел в кресле, скучая и капризничая.

Перед сном Жорик упорно не хотел лезть в ванну. Он вопил, что «там кипяток». Но мама и бабушка авторитетно заявили, что в менее тёплой воде он может простудиться, и соединёнными усилиями опустили сопротивляющегося питомца в ванну, из которой подымались клубы горячего пара.

День окончился тем, что Жорика уложили в кровать под два ватных одеяла, предварительно наглухо закрыв все форточки в квартире...

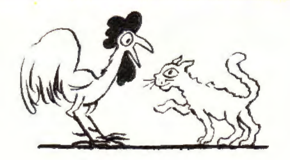
* * *

...Внимательно осмотрев больного ребёнка, доктор сказал, что такой «режим» для него вреден. Жорикова мама возмущённо вскинула плечи:

— Уж я ли не забочусь о нём?!

Г. ОКСКИЙ

КОТ И ПЕТУХ

(БАСНЯ)

Однажды Кот поймал цыплёнка
И в тёмный уголок
Беднягу поволок.
Он действовал продуманно и тонко;
Никто не видел, что во двор
Забрался вор.
Но вот, заметив из-за тына,
Что в воздухе порхает жёлтый пух,
Забеспокоился Петух:
— Довольно странная картина!
Поверьте, куры, это неспроста!
Пойду узнаю, в чём причина...
Пошёл — и вдруг наткнулся на Кота.
— Какой кошмар! — глазам своим не веря,
Вскричал Петух.— Да как ты смел?!
Я думал, нет порядочнее зверя,
А ты, нахал, цыплёнка съел!
Вот я тебя, мошенника, проныру,
На общий выставлю позор,
Такую сочиню сатиру,
Чтобы известно стало миру,
Что ты мерзавец, плут и вор!
— Пустым трудом себя не мучай,—
Ответил Кот, осклабясь до ушей,—
Коты обычно ловят лишь мышей,
А это нетипичный случай...
Петух смутился. В самом деле,
Тут тема, кажется, не та...
Но сторожа на счастье подоспели
И нетипичного Кота
Мгновенно взяли в три кнута,
Да так, что клочья полетели.

Отсюда вывод сам собой готов:
Нет ничего вреднее мёртвой схемы.
Нельзя бояться острой темы
И поощрять разнузданных Котов!

Г. ВОЛОВИК

г. Воронеж.

Дружеский шарж И. ИГИНА

ДАВНО НЕ ПИШУТ НОВЫХ ПЬЕС:

Верхний ряд (слева направо): Еврипид, Леонов, Шекспир, Файко, Гоголь.
Нижний ряд (слева направо): Ромашов, Мольер, Светлов, Островский, Шкваркин.

Мнушкин пускает пыль в глаза

Кто такой Мнушкин?

Мнушкин Давид Михайлович — человек высокообразованный. Он окончил два высших учебных заведения: Ленинградский институт инженеров путей сообщения и Ленинградский институт инженеров гражданского воздушного флота.

Мнушкин блестяще защитил диссертацию в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта и получил звание кандидата технических наук.

Мнушкин вёл научно-исследовательскую работу.

Мнушкин преподавал в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта и был доцентом в Московском заочном институте силикатно-строительной промышленности.

Мнушкин внёс большой вклад в дело обороны Ленинграда и Москвы во время Великой Отечественной войны.

Таким выглядит Мнушкин по анкетам и автобиографиям.

А вот каким он выглядит в жизни:

Прежде всего Мнушкин не имеет законченного высшего образования и никаких институтов не оканчивал.

Мнушкин не кандидат технических наук. Он никогда не защищал диссертации на звание кандидата технических наук.

Мнушкин никогда не был преподавателем в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта и не был доцентом в заочном институте силикатно-строительной промышленности.

Мнушкин отнюдь не вносил приписываемого себе вклада в дело обороны Ленинграда и Москвы.

Всё, что писал Мнушкин в анкетах,— ложь и подделка. Это он пускал пыль в глаза доверчивым людям и, к сожалению, долго преуспевал в этом...

* * *

Вскоре после войны судьба занесла Мнушкина в Черновцы, где он подвизался в должности начальника строительного управления. Своё служебное положение Мнушкин использовал для тёмных махинаций. С помощью своих подчинённых — главного бухгалтера Френкеля и агента по снабжению Финкеля — разбазарил государственного имущества на 300 тысяч рублей.

Против Мнушкина в Черновцах возбудили уголовное дело. Но Мнушкин заблаговременно перебрался в Москву и всячески избегал являться в Черновцы по вызову следственных органов.

Чтобы избежать суда, он с помощью бывшего заместителя психиатра города Москвы Лифшица заручился оградительной справкой, в которой было сказано буквально следующее:

«Мнушкин Д. М. обнаруживает реактивное состояние... Выехать в город Черновцы по вызову не может. Должен находиться под наблюдением психиатра и родных».

Так «реактивное состояние» помогло Мнушкину уклониться от ответственности.

Пуская пыль в глаза доверчивым людям, используя личные связи, Мнушкин легко устраивается то на одно, то на другое тёпленькое место в Москве. Всюду он извлекает из этого выгоду.

Мнимый кандидат наук незаконно получил свыше 20 тысяч рублей в Научно-исследовательском институте медицинских инструментов и оборудования. Он успел хапнуть авансом 5 тысяч рублей во Владимирском промкомбинате за идею изготовления дамских каблуков из нового вида материала.

Наступило, однако, время, когда перед ним настойчиво ставятся вопросы: «Чем вы докажете, что имеете высшее образование? Где документы, подтверждающие, что вы имеете звание кандидата технических наук?» и т. д.

Иллюстрации Ю. ФЕДОРОВА

Думаете, что Мнушкин после этого растерялся? Нисколько. Он представил ловко сфабрикованную подложную копию решения Учёного совета Московского института инженеров железнодорожного транспорта о присвоении ему звания кандидата технических наук. Эту фальшивку услужливо заверила Мнушкину нотариус в городе Химки некая Файнштейн.

Фальшивка состряпана. Но Мнушкин — достаточно искушённый человек. Он знает, что полагаться на один поддельный документ всё-таки рискованно. И вот он потрясает справками, подписанными солидными людьми.

Так, заведующий кафедрой тоннелей Московского института инженеров железнодорожного транспорта доктор технических наук профессор Николаи в июне 1948 года удостоверил, что 15 сентября 1938 года в его присутствии Мнушкин защитил кандидатскую диссертацию.

Инженер-строитель Братенши тоже подтвердил, что он присутствовал при защите Мнушкиным диссертации.

Аналогичные справки подписали доктор технических наук профессор Ротерт, профессор Толстопятов, Зелиховский, инженер Попов и доцент Кипнис. Справки внушительные. Но когда облако пыли, пущенное Мнушкиным, рассеялось и излишне доверчивые люди посмотрели чистыми глазами на свои справки и на Мнушкина, получился конфуз.

— Позвольте! — удивляется профессор Ротерт. — Я понятия не имею ни о Мнушкине, ни о его учёной степени! А что касается подписанной справки, то я выдал её Мнушкину по просьбе кого-то из своих знакомых.

Разводит руками и профессор Николаи. Он уверяет, что никогда не присутствовал на защите диссертации Мнушкиным. Но, видите ли, Мнушкин настолько правдоподобно описал ему обстановку защиты диссертации, что у него даже не возникло на сей счёт никаких сомнений, и он по доброте душевной подписал справку, составленную самим же Мнушкиным.

Профессора Толстопятова, оказывается, кто-то из сослуживцев убедил в том, что Мнушкин имеет учёную степень, и он подписал справку об этом, хотя сам лично никогда даже не был знаком с Мнушкиным.

То же примерно произошло и с остальными авторами справок об учёной степени Мнушкина.

Многим из тех, кто так легко доверялся Мнушкину, очевидно, и в голову не приходило, что такой важный и солидный на вид человек может пойти на подобные ухищрения и подлоги. А между тем Мнушкин всю свою жизнь и всё своё благополучие именно только на этом и строил.

Ему, например, ничего не стоило в одном случае написать, что он, Мнушкин, родился в 1908 году в Ленинграде и что отец его был революционером, убитым в гражданскую войну. В другом случае Мнушкин уже уверял, что он родился в Ельске в семье торговца и притом не в 1908, а в 1910 году и что отец умер от тифа.

Мнушкин без году неделю пробыл в партии и был исключён из её рядов. Тем не менее и после этого он писал в анкетах, что состоит в партии, и указывал вымышленный номер партийного документа.

И находились люди, которые верили всему этому на слово!

В расчёте на эту доверчивость и простоту и действуют Мнушкин и ему подобные.

Разумеется, Мнушкин будет привлечён к ответственности. Но это совсем не означает, что в нашей среде не осталось больше мнушкиных. Не давайте же им пускать пыль в глаза и обманывать честных советских людей и государство! Не верьте таким, как Мнушкин, даже и тогда, когда они представят вам справку о том, что находятся в «реактивном состоянии»!

Не верьте!

Л. ВОЛКОВ

РОДИТЕЛЬСКИЙ ПРИМЕР

Рис. Е. ГОРОХОВА

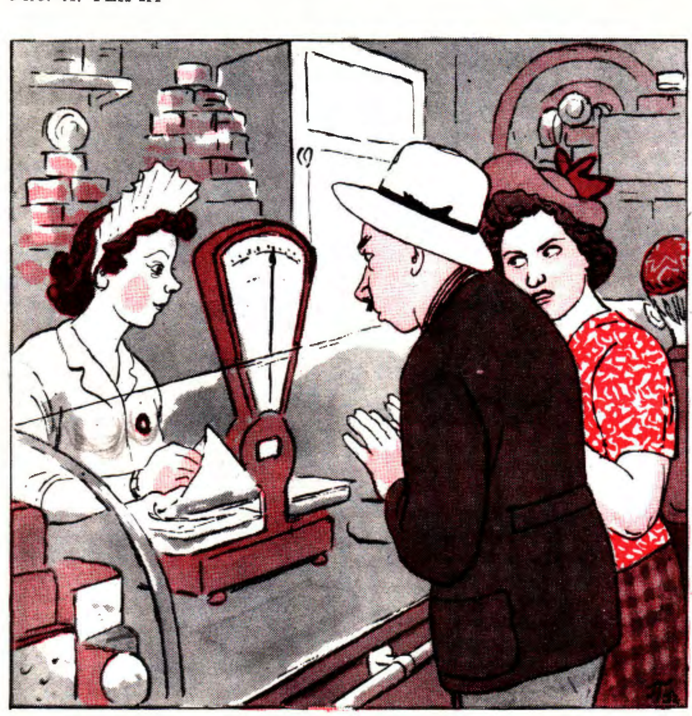

— За то, что ты солгал, гадкий мальчишка, сиди дома и не смей никуда выходить! А если мне будут звонить из министерства, скажи, что я ещё не вернулся из командировки! Маме же передай, что я ушёл на совещание в министерство! Понял!!

СЕРЬЕЗНЫЙ ВЗГЛЯД

В тбилисских магазинах часты случаи обсчёта, обмеривания и обвешивания покупателей.

Рис. Л. ГЕНЧА

— Как тебе не совестно! Ты с продавщицы глаз не сводишь!
— Попробуй отвести от неё взгляд,— вмиг обвесит!

Иллюстрации Е. ЩЕГЛОВА

РЕЙД КРОКОДИЛА

ХАРЬКОВСКИЙ узел

1. О МЕЖПЛАНЕТНЫХ СООБЩЕНИЯХ И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ БИЛЕТАХ

Вокзальный радиорупор надрывается:

— Граждане пассажиры, в кинозале демонстрируется новый фильм «Девушка спешит на свидание»!

— Граждане пассажиры, для транзитных пассажиров организуется научно-популярная экскурсия в городской зоопарк!

— Граждане пассажиры, для транзитных и нетранзитных пассажиров будет прочитана лекция на тему о межпланетных сообщениях!..

Сколько подкупающего внимания! И всё же обрадованный и обласканный такими заботами пассажир в довершение ко всему желает получить ещё и проездной билет.

Но тут-то и оказывается, что вопрос о билетах не входит в план культурного обслуживания пассажиров.

Вот пассажир с объёмистым чемоданом в руках энергично устремляется вслед за пробегающим мимо человеком в красной фуражке:

— Товарищ дежурный, как бы уехать в Евпаторию?

— Завтра, завтра уедете,— бросает на бегу красная фуражка,— а сейчас в кино пожалуйте. «Девушка спешит...» Скоро начало! Не опаздывайте!

Но пассажиру не до девушки, которая спешит на свидание. Он сам спешит поскорее выбраться из Харькова и в десятый раз идёт в кассовый зал наведаться насчёт проездного билета.

Бывалые вокзальные старожилы советуют ему:

— Купите перронный билет. Это не так уж трудно. На перроне похлебаете горячего борща, выпьете бутылочку — другую тёплого пива, погуляете по мостику над путями. А ночевать? Там видно будет...

2. «СВОБОДНЫХ МЕСТ НЕТ»

Эту размашисто выведенную мелом надпись часто можно видеть на доске у билетных касс.

Однако едва ли не каждый уходящий из Харькова поезд превращается, так сказать, в опровержение на колёсах.

Вот вышел из Харькова курсом на Москву скорый 32-й. Он формировался тут же, в Харькове. А для многих харьковчан свободных мест всё же не оказалось. Но стоило составу тронуться в путь, как сразу в нём обнаружилось 152 никем не занятых места.

Может быть, их заняли на первой остановке? Нет, не заняли! И в Белгороде многие остались без билетов, а 32-й, гремя полупустыми вагонами, благополучно пошёл дальше... Почему? Оказывается, по той причине, что из Харькова «неточно» уведомили Белгород.

Так было 9 июля. В разных, слегка переработанных вариантах такая «неточность» повторяется каждый день. Из-за «неточности» преждевременно захлопнулось окошечко кассы, продававшей 10 июля билеты на поезд № 51 Харьков — Новосибирск. И поезд этот отбыл в свой дальний рейс с «неприкосновенным запасом» в 75 свободных мест. С такими же «неувязками» прошли через харьковский узел за эти же сутки все транзитные поезда...

На языке работников пассажирской службы такого рода «неувязки» легко и расплывчато определяются как «недоуплотнённость населения вагонов». Зато «переуплотнилось население» вагона № 3 11 июля в поезде Харьков — Киев, где 4 пассажирам на 4 посадочных талона отвели только 2 места.

Большие и малые начальники харьковского узла постарались все эти «неувязки» свалить на «затруднения» и на самих пассажиров. Дескать, работники вокзала работали бы куда лучше, если бы не «эти надоедливые пассажиры»...

3. ГДЕ ЖЕ ПОЕЗД?

Можно выполнить досрочно план, можно задолго до срока завершить какую-то работу. А вот работники пассажирской службы Южной дороги 4 июля умудрились досрочно отправить одесский поезд.

Очевидцы рассказывают о том, как пассажиры разыскивали этот поезд, как они беспокоились. Время подошло, а составители опаздывали с подачей состава! На посадку ведь тоже требуется время!

Но составители со всею любезностью разъяснили пассажирам:

— Какое там опаздываем! Какая там посадка! Поезд ушёл досрочно. На час и две минуты раньше положенного времени...

Очевидцы — работники вокзала — добавляют, что пассажиры сбежавшего поезда («надоедливые пассажиры») причинили им в этот день немало хлопот. А ведь здесь так «пекутся» и не только об отъезжающих...

Десятого июля диктор без страха и сомнения раструбил при посредстве всех репродукторов, что поезд № 78 из Киева прибывает к третьей платформе. Встречающие с букетами цветов поспешили к указанному месту. Увы, никакой поезд сюда так и не подошёл. А пока выяснилось, что и здесь произошла очередная путаница, увяли и цветы и улыбки встречающих.

Между тем диктор без тени сомнения продолжал вещать уже о другом:

— Львовский поезд прибывает к платформе номер четыре!.. Львовский поезд подошёл к платформе номер два...

4. СО ВСЕМИ «УДОБСТВАМИ»

В конце мая в Харьков приезжал начальник Главного пассажирского управления Министерства путей сообщения тов. Запорожцев. Он произнёс несколько незабываемых речей о необходимости повысить культуру обслуживания пассажиров.

— Мы не можем мириться с тем,— говорил тов. Запорожцев,— чтобы трудящиеся ездили на подножках вагонов. Мы не можем простить этот факт руководителям Южной дороги.

Простит им или не простит тов. Запорожцев этот факт, но и после этого визита пригородные поезда отправляются с пассажирами, висящими на подножках.

А что делается в вагонах, куда попали счастливчики? Там свет не горит, радио не работает, питьевой воды нет... Словом, пригородный рейс со всеми... неудобствами.

5. ИЗ ОКОН УПРАВЛЕНИЯ ДОРОГИ...

И ста метров не будет от Управления Южной дороги до перрона харьковского узла. Из окон Управления открывается весьма красочный жанровый вид на привокзальную площадь и на толпящихся людей с чемоданами, которых видели здесь и вчера и позавчера...

Не видно только, что делается на самом вокзале и вокруг него. Не видно на посту начальника вокзала тов. Копыла. Приказом заместителя начальника Южной дороги тов. Мирошниченко его временно направили на другую работу.

Нет на посту и заместителей начальника вокзала: кто в отпуску, кто отбыл на переподготовку. Вокзалом временно руководит... заведующий багажным отделением. В роли его заместителей оказались дежурные по вокзалу, а в роли временных дежурных — перронные контролёры...

Заместитель начальника дороги Василий Фёдорович Мирошниченко, который ведает пассажирской службой, услышав от нас о «некоторых недостатках» в обслуживании пассажиров, даже руками замахал:

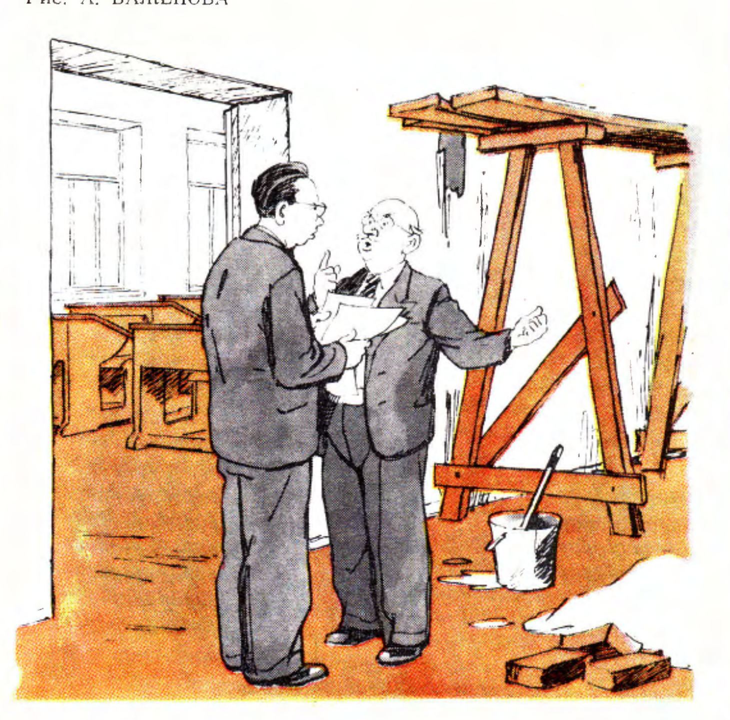
— Быть того не может! Это невероятно!!.

Действительно, невероятно, как В. Ф. Мирошниченко не замечает того, что творится на Харьковском вокзале: ведь окна его кабинета обращены прямёхонько на перрон.

Бригада «Крокодила», «Гудка» и «Южной магистрали»: С. МУКОМЕЛЬ, С. ДИАМАНТ, Н. ГУБЕНКОВ, Л. МИТНИЦКИЙ

СРЕДИ ОТСТАВШИХ

Рис. А. БАЖЕНОВА

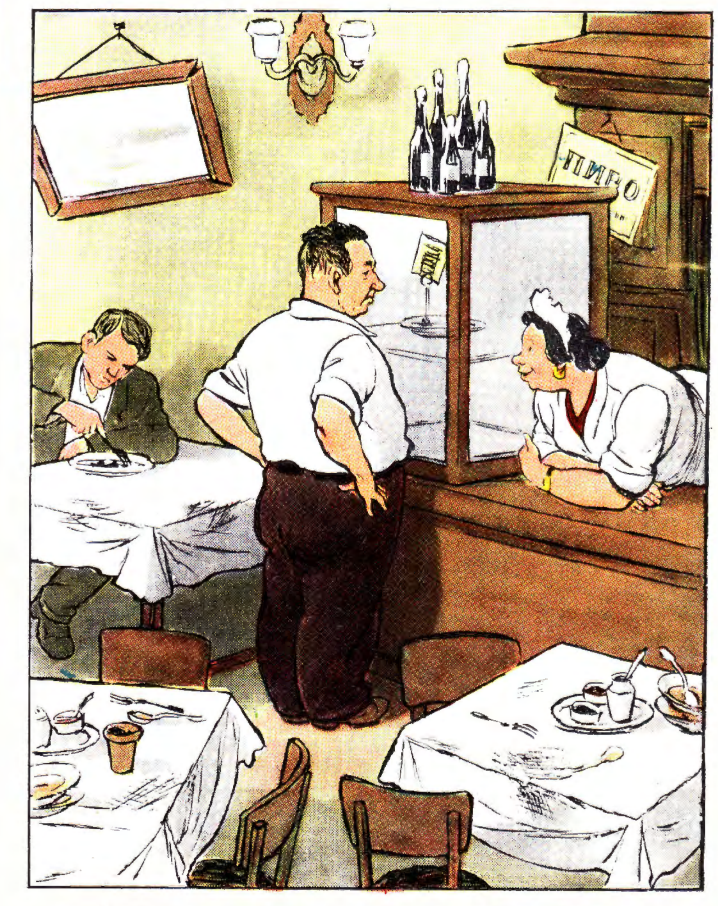

— У вас в школе есть отстающие!
— Да! Иванов отстал по математике, Петров и Сидоров — по географии, а райисполком — по ремонту!

ПОЛНЫЙ АССОРТИМЕНТ

Во многих районных чайных, кроме спиртных напитков, ничего нельзя получить.

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

— Чай будет завтра, молоко завтра!.. Всё завтраками кормите!
— Вот и неправда! Завтраков тоже нет!

БИТВА ЗА МАКУЛАТУРУ

Состязание началось давно, ещё в 1950 году. В Министерстве лесной промышленности СССР вырабатывали новую систему оплаты труда лесозаготовителей. Одновременно отдел труда и заработной платы того же министерства с огромным энтузиазмом готовил издание полновесного труда о правилах пользования... старой системой.

«Кто кого опередит?» — вот вопрос, волновавший участников и свидетелей состязания.

В июне 1951 года картина прояснилась. Министерство отменило старый порядок оплаты труда и ввело новый. Но одновременно к финишу пришёл также отдел труда и заработной платы: мобилизовав все свои силы, он наконец выпустил в свет сборник устаревших расценок.

Кто же вышел победителем? Конечно, авторы новой системы, единодушно признали леспромхозы. Но не так решил начальник отдела труда и заработной платы тов. Лиховидов. Мог ли он считать себя побеждённым, если в результате состязаний у него на руках остались крупные трофеи в виде пяти тысяч экземпляров изданного им сборника?!

Состязание вступило в новую фазу. Изменилось его содержание. Частично обновился состав его участников. На одной стороне — тов. Лиховидов, в принудительном порядке рассылающий на места сборник в восемнадцать с лишним печатных листов; на другой стороне — лесотресты, отказывающиеся от навязываемой им макулатуры. И как новое лицо выступило издательство, требующее от Министерства уплаты денег за напечатание сборника.

Надо прямо сказать, что тов. Лиховидов находится в менее выгодном положении, чем его противники. На обложке выпущенного им сборника, в том месте, где обычно указывается цена книжки, стоит слово «Бесплатно». Поэтому начальнику отдела труда и заработной платы надо умудриться не только всучить трестам сборник, но, чтобы покрыть типографские расходы, взыскать также с них по десяти рублей за каждый экземпляр. А тресты и бесплатно не хотят принять бесполезную им литературу.

Но тов. Лиховидова не пугают преимущества его противников. Вот, заняв твёрдую позицию, он делает сильный рывок и посылает Министерству лесной промышленности Украинской ССР счёт на 2 666 рублей. Однако другая сторона не застигнута врасплох: из Киева счёт немедленно возвращается обратно в Москву. Рывок не помог.

Не растерявшись, тов. Лиховидов делает смелый бросок в сторону Министерства лесной промышленности Белорусской ССР. Но и из Минска летит обратно в Москву счёт на 3 314 рублей. Не помог и бросок.

А в это время издательство, потеряв надежду получить с министерства деньги за напечатанный им сборник, со своей стороны наносит удар тов. Лиховидову: обращается в арбитраж, который и присуждает с ответчика всю причитающуюся с него сумму.

Удары один за другим сыплются на голову начальника отдела труда и заработной платы. Но, окружённый плотной стеной своих трофеев, он не сдаётся, не признаёт себя побеждённым.

Состязание продолжается...

В. ГРАЧЕВ

«СВИНЬЕЙ НЕ ОСТАНУСЬ»

Сотруднице треста «Башзолото» Тамаре Борисовне Гордеевой срочно понадобились деньги. Поэтому на своих сослуживцев, членов кассы взаимопомощи, она стала смотреть влюблёнными глазами:

— Родные мои, выручайте!

Участливый коллектив не оставил её в беде и дал взаймы четыреста рублей.

Получив деньги, Тамара Борисовна тотчас охладела в своих чувствах. Вскоре она уволилась, уехала из Уфы, а уезжая, не нашла времени ни попрощаться с выручившими её «родными», ни возвратить ссуду. Лишь с дороги прислала письмецо с такими трогательными строчками:

«...не беспокойтесь, свиньёй не останусь, рассчитаюсь, только дайте срок».

Непонятно было, какой срок имелся в виду, потому что с тех пор прошло три с половиной года.

По той деятельной переписке, которая развернулась вокруг этой задолженности, можно проследить весь жизненный путь Тамары Борисовны. Можно узнать, что она порхала с одного места на другое, вышла замуж и переменила фамилию на Чубак, а теперь работает в Башкирии, в Урмантавском леспромхозе. Нет в толстой папке только весточки от должницы, когда-то обещавшей «не остаться свиньёй».

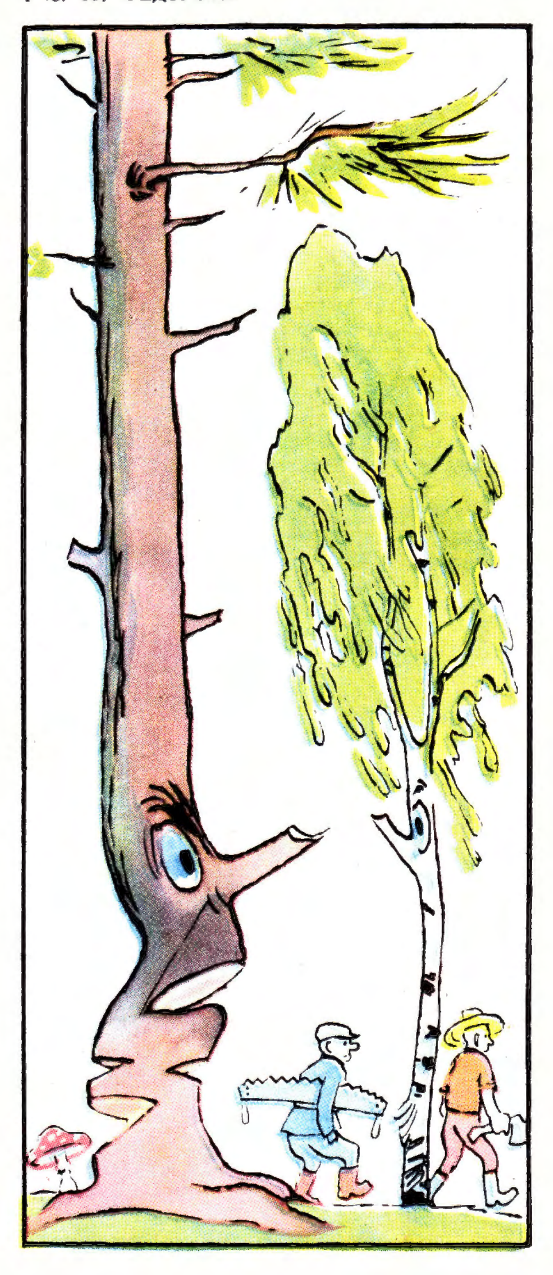
— Неужели Тамара Борисовна передумала? — удивляются члены кассы. — Неужели она вопреки заверению решила остаться... несостоятельной должницей?

В. ИНДИН

В некоторых леспромхозах наблюдается большая текучесть кадров.

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

— Одни начали меня пилить — уволились, другие попилили немножко — и тоже уволились! Если завтра меня не допилят, — сама упаду!

ШМАТКОВСКАЯ «ПАНАЦЕЯ»

«Рецепт» означает по-латыни «К исполнению!» Однако, получая от больных рецепты, работники Упорненской аптеки, Краснодарского края, частенько становятся втупик: как исполнить? Где взять эфир, хлористый кальций? Их как раз и нет на полках! Рыбий жир или пертуссин? Из воды их не приготовишь!

Как же быть? Как удовлетворить запросы больных и выполнить план товарооборота, не имея нужных лекарств?

И вот управляющий Майкопской межрайонной конторой аптекоуправления тов. Шматков нашёл для фармацевтов гениальнейший выход. Он напечатал и разослал всем подчинённым свой собственный рецепт — «панацею» от всех затруднений.

«Надо работу самой аптеки построить таким образом, — поучает он фармацевтов, — чтобы все товары, имеющиеся в аптеке, имели спрос...»

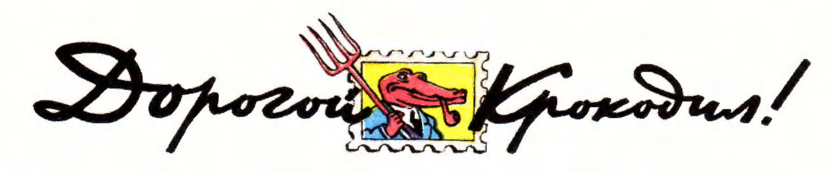
Нет на складе рыбьего жира, — предложите взамен валериановые капли, вместо бутылки нарзана — бутылочку касторки. Чего проще! А если пациент будет возражать, — значит, виноват аптечный работник: не умеет показать товар лицом...

«Надо покончить с практикой защищаться тем, что в аптеки мало дают некоторые товары, — гневно восклицает тов. Шматков, — меньше хныкать о трудностях, целеустремлённо направить свою волю!»

Следуя советам начальства, упорненские фармацевты «перестали хныкать» и «направили свою волю», и всё же, когда дело доходит до составления лекарства, становятся втупик: как же выполнить повеление врача? Что взять вместо пертуссина? Шматковскую «панацею»? Она благотворно действует только на самого тов. Шматкова, избавляя его от забот о снабжении аптек лекарствами.

Иллюстрации Н. ЛИСОГОРСКОГО

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Не так давно писал ты «О рыбаках и рыбках» и вывел на свежую воду браконьеров, которые орудовали в Калининской области.

Увы! Такие же рыбоистребители есть и в Свердловском рыбтресте. Ещё недавно на берегах озера Шарташ и Полевских прудов отдыхали с удочками свердловчане и полевчане, терпеливо ожидая, когда на воде запляшет поплавок и клюнет окунёк или плотичка.

Но такое их времяпрепровождение пришлось не по вкусу работникам Свердловского рыбтреста.

— Браконьерство! — вопили они.— Его нужно вырвать с корнем!

И вырывали у любителей-рыболовов удочки и банки с червяками, прогоняли их с озера и прудов, отнимая лодки и угрожая штрафами.

Устранив «кустарей», деятели рыбтреста наладили добычу рыбы на индустриальной основе и вылавливают неводами даже мальков-однолеток.

На глазах у руководителей Свердловского и Полевского исполкомов опустошаются рыбные водоёмы. Вот тут-то и нужно бы их веское слово, но руководители предпочитают молчать, как... рыбы.

Н. ЗУЙКОВ, Е. ЕМЕЛЬЯНОВ
и ещё 55 рыболовов-любителей
г. Свердловск.

Товарищ Крокодил!

Известно, что «без воды и ни туды и ни сюды». Наш город-курорт тоже хочет пользоваться этой популярной жидкостью, но не может. Водопровод, сооружённый ещё при царе Горохе, снабжает жителей водою не регулярно. И местным жителям, и курортникам часто приходится заниматься изысканиями: где бы раздобыть воду?

Наш райисполком в течение четырёх лет ходатайствовал, чтобы областной отдел коммунального хозяйства отпустил средства на сооружение приличного водопровода. Затем облисполком обратился с таким же ходатайством в Министерство коммунального хозяйства РСФСР. Однако вопрос о водопроводе так и не сдвинулся с мёртвой точки «ни туды и ни сюды». И трудно уразуметь, почему и облкомхоз и даже министерство превращают курортный город в «лежачий камень, под который вода не течёт».

С. КРАСИЛЬНИКОВ,
секретарь редакции газеты «Красное знамя»
Старый Крым.

Дорогой Крокодил!

Никак не могу пожаловаться на медлительность в работе Министерства юстиции Армянской ССР: уже через день после подачи заявления я получил ответ о том, что начальник канцелярии министра тов. Мелконян переслал мои документы в Верховный суд Армении «по принадлежности».

Мне стало стыдно за себя: как так я не догадался направить куда следует заявление. Мысленно я поблагодарил тов. Мелконяна за хороший урок и стал ждать ответа из Верховного суда.

Не прошло и трёх недель, как председатель Верховного суда тов. Петросян сообщил мне, что мои документы пересылаются в Министерство юстиции «по принадлежности».

Теперь уже мне стало стыдно за тов. Мелконяна.

Не ожидая продолжения этой детской игры в «перекидочку», я решил послать полученные мною ответы «по принадлежности» тебе.

Л. ТОВМАСЯН

Дорогой Крокодил!

Нет ли у слова «завтра» другого толкования, помимо общепринятого? На эту мысль нас навёл директор Старо-Майнского леспромхоза тов. Дмитриев. Ещё в прошлом году правление нашего колхоза закупило в леспромхозе для строительства животноводческих помещений лесоматериалов на 46 тысяч рублей. Договорные сроки вывозки леса уже истекают, но мы получили лишь ничтожную часть этих материалов. Десятки раз ездили мы к директору леспромхоза, и каждый раз он ласково заявлял: «Не беспокойтесь. Завтра высылаю машины. Всё будет в порядке!»

Но проходили дни, а машины с долгожданным лесом не появлялись. Тогда мы пожаловались в областной отдел сельстроя тов. Шмункту, которому подчиняется леспромхоз. Тот утешил: «Дмитриев сейчас в моём кабинете; он заверяет, что буквально завтра приступит к вывозке материалов».

Но леса нет, а строительный сезон подходит к концу. Так что же такое «завтра» в понятии тов. Дмитриева, если в течение полугодия оно так и не наступило?

ПАНТЕЛЕЕВ,
председатель колхоза имени Куйбышева
с. Малая Кандала, Ульяновской области.

Рис. Б. ФРИДКИНА

— Дуся, что ты птиц не кормишь!
— А они в амбаре так зерном объелись, что еле двигаются!

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА

НА СЕБЯ НЕ ПОХОЖИЕ

Газета «Ставропольская правда» поместила фотоснимок с пояснительной подписью: «На снимке — библиотекарь А. Т. Мищина и заведующая Ипатовской районной библиотекой А. М. Чижова подбирают книги для очередных передвижных библиотечек».

Снимок хороший, отчётливый. Обидно было бы использовать его лишь однажды, и спустя три месяца он появился на столбцах газеты вторично, но с новым пояснительным текстом: «На снимке — заведующая Егорлыкской библиотекой А. И. Гинько и библиотекарь М. Я. Локтионова подбирают книги».

Теперь все библиотекари Ставропольщины по утрам со страхом и трепетом раскрывают краевую газету: а ну как подошла их очередь «подбирать книги» на снимке, так полюбившемся «Ставропольской правде»? Не так уж приятно быть на себя не похожим!

КРОКОДИЛ ПОМОГ

◆ Крокодил уже сообщал о принятых мерах по фельетону Е. Весенина «Беликов улыбается», опубликованному в № 11.

Дело Беликова разбиралось выездной сессией Красноярского краевого суда. Беликов приговорён к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Приказом генерального прокурора Союза ССР работники прокуратуры, допустившие волокиту в проведении следствия по делу Беликова, привлечены к строгой ответственности.

◆ В № 13 Крокодила был помещён фельетон П. Дудочкина «Молочный колодец» — о том, как председатель колхоза «Победа», Калининской области, Колосов отдавал колхозникам хороших колхозных коров, принимая взамен истощённых и старых.

Виновные в обмене коров наказаны. Выданные колхозникам с колхозных ферм коровы возвращены обратно.

◆ В том же номере, в фельетоне К. Сушко «Пока решает суд», рассказывалось о том, как директор Арикской средней школы Османов присваивал себе средства, отпущенные на строительство школы, и совершал подлоги, но был взят под защиту судебными органами.

В результате расследования и нового рассмотрения этого дела Османов приговорён к 10 годам лишения свободы. Бывший судья Хабалов снят с работы и осуждён за взятки и другие преступные действия.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно с 13 до 17 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 663. Подписано к печати 11/ VIII 1952 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 04460. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2079. Тираж 300 000 экз.

Рис. И. СЕМЕНОВА

БУДНИ БУРЖУАЗНОГО СПОРТА

Сначала широковещательная реклама...

затем скромное объявление.